

МАРИНА СЕРОВА

**Осыпь меня
ЗОЛОТОМ**

Сериал
"Телохранитель Евгения Охотникова"

Марина Сергеевна Серова
Осыпь меня золотом
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

текст предоставлен издательством Эксмо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2524215

Марина Серова. Осыпь меня золотом: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-52541-6

Аннотация

Телохранитель Евгения Охотникова думала, что будет охранять одного человека – совладельца автомобильного концерна Владимира Ильичева. Но оказалось, в ее защите нуждаются и другие акционеры! Им угрожают неизвестные, добиваясь продажи акций. Больше всех пострадала Елена Темникова – сначала она едва не погибла в автокатастрофе, потом на ее дочь Наташу напали подростки на мотоциклах. Евгения пыталась просчитать следующий шаг неведомых конкурентов, когда пришло ужасное известие: Наташа пропала. Похоже, ради достижения своей цели враги готовы на все, но им предстоит иметь дело с Евгенией Охотниковой!

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Марина Серова

Осыпь меня золотом

Глава первая

Лето пролетело, как всегда, мгновенно: раз – и нету. Казалось, что еще только вчера был май, а вот уже и сентябрь подкрался незаметно. Собственно, окончание лета я начинаю ощущать еще в августе. Ведь это, положи руку на сердце, уже и не лето в полном смысле. Ты уже не строишь планы, как будешь валяться на золотистом песочке и щеголять бронзовым загаром, сигать с тарзанки на волжских островах, где расположены турбазы, подбирать сумочку в тон к новым босоножкам... Все это теперь осталось в прошлом, а мысли твои уже направлены на осень, которая нагрянет совсем скоро, и подготовку к ней.

То раннее сентябрьское утро я начала с посещения стадиона, совершая длительную пробежку для поддержания формы. Я часто бегаю по утрам – профессия телохранителя обязывает тренироваться постоянно. Кроме бега, я занимаюсь также легкой атлетикой: отжимания, подтягивания и прочее, а помимо этого – стрельбой, плаванием, повторяю правила рукопашного боя и вождения разных видов транспорта. Не в один день, разумеется, а чередуя тренировки, чтобы успеть

все и равномерно поддерживать навыки, полученные в «Ворошиловке» – школе по подготовке бойцов экстра-класса.

Круглое поле стадиона «Локомотив» стало для меня уже практически родным, именно здесь я тренировалась несколько раз в неделю. Я скинула с себя легкую спортивную куртку, оставшись в футболке и брюках, и сразу ощутила, как по коже пробежали мурашки: ночи в сентябре холодные, и к семи утра воздух еще не успел хорошо прогреться. Но я не пугаюсь осенней прохлады, нас учили работать и не при таких погодных условиях, так что легкое понижение температуры я переношу спокойно. К тому же в процессе бега неминуемо разогреюсь.

Сделав несколько упражнений – наклоны, повороты, приседания, – я прошла на беговую дорожку и начала свой забег. Уже после первого круга я почувствовала, как кровь интенсивно циркулирует по венам и мое тело приятно согревается.

Звонок сотового настиг меня на третьем круге, когда я собиралась сделать еще как минимум два. Пять кругов – это немного, норма для старшеклассников на уроках физкультуры в обычной школе. Тренироваться в столь щадящем режиме я себе позволила сегодня лишь потому, что на вечер у меня было запланировано посещение секции карате, а также бассейна по разовому двухчасовому абонементу. Покупать абонемент длительного пользования – скажем, на месяц – я не могла себе позволить в силу особенностей профессии. Когда я берусь охранять кого-либо, я четко отдаю себе отчет,

что телохранитель может быть нужен клиенту двадцать четыре часа в сутки. Бывают, конечно, моменты, когда я могу оставить его в безопасном месте, на сто процентов уверившись, что ему ничего не грозит, а сама отправиться по другим делам, но где гарантия, что все случится именно так? Поэтому я предпочитала брать разовые абонементы, во время перерывов в работе. Сейчас как раз случился такой период, следовательно, по моим прикидкам, ничто не могло мне помешать. Однако всем нам свойственно ошибаться в расчетах – как известно, человек предполагает, а бог располагает...

В тот день бог расположил все так, что я ответила на звонок, и это нарушило мои первоначальные планы. Но впоследствии нисколько не пожалела об этом...

– Да! – на бегу проговорила я, стараясь дышать ровно.

– Доброе утро! – Мужской голос прозвучал как-то пафосно и не очень естественно, словно человек был не совсем уверен в себе и подсознательно говорил с некой надменностью.

– Доброе, доброе, – скороговоркой проговорила я.

– Мне нужен телохранитель Евгения Охотникова, это я с вами беседую?

– Со мной, – снова согласилась я, подсчитывая оставшееся время.

Мужчина прокашлялся и продолжал:

– Вы мне нужны по важному делу. Мне необходим телохранитель. Это срочно.

Он отчеканил каждую фразу и затаился. Хмыкнув про себя, я сказала:

– Ну, в данную минуту я занята.

Поскольку мужчина продолжал молчать, обескураженный, видимо, таким заявлением, я уточнила:

– А вам кто-то меня рекомендовал?

– Да, – обрадовался он. – Вас рекомендовал мне мой тесть, Александр Андреевич Скоробогатов, помните?

– Как же, как же, замминистра образования Тарасовской области, профессор естественных наук, кажется, – произнесла я, не переставая бежать.

– Уже академик, – поправил меня невидимый оппонент.

– Поздравляю! – радостно произнесла я.

Профессора Скоробогатова лично я не охраняла, он приходился близким другом человеку, которому требовались мои услуги пару лет назад. Дело было трудным и долгим, неоднократно грозившим смертью как мне, так и его участникам, но тогда я выпуталась из него с минимальными потерями, равно как и мой клиент. С тех пор ни с ним, ни со Скоробогатовым мне сталкиваться не приходилось. О том, что у тогдашнего профессора – заместителя министра образования есть зять, мне ничего не было известно, да я этим и не интересовалась: дело, которым я занималась, этого не требовало.

– Вас как зовут-то? – любопытствовала я, переходя на пятый круг.

– Ильичев Владимир Николаевич, – представился зять академика. – Концерн «Эвита».

Автомобильных концернов в нашем городе было два: «Эвита» и «Атлант». Кажется, первый из них специализировался на легковых автомобилях, а второй – на грузовых и полугрузовых. Во всяком случае, мои знакомые чаще всего приобретали свои легковушки именно в «Эвите». В основном это были иномарки.

– Официальный дилер «Форд», «Мерседес», «Фольксваген» и других европейских марок, – просветил меня Ильичев.

– О-о-о, – протянула я. – Солидное дело. Правда, весьма далекое от естественных наук и системы образования.

– Ну, ведь это Александр Андреевич занимается проблемами образования, а я, так сказать, совсем по другой части, – отчего-то засмутился Ильичев. – Так что с нашей встречей?

– Ну, как я уже говорила, прямо сейчас я никак не могу. А вот, скажем, через полтора часа мы смогли бы встретиться. У вас есть какие-то мысли на этот счет?

– Конечно, вы можете подъехать ко мне домой! – с готовностью предложил Ильичев.

– Я бы предпочла побеседовать на нейтральной территории, – твердо произнесла я в трубку.

– Но почему? – удивился тот. – Я сейчас как раз дома и никуда не собираюсь, к тому же один, так что это очень удобно!

«Кому как», – подумала я, памятуя о замечательном выражении «доверяй, но проверяй».

Особых оснований подозревать Ильичева в том, что с его помощью меня заманивает кто-то из имеющих на меня зуб недоброжелателей, не было, но все-таки я привыкла быть настороже.

– Давайте все же выберем другое место, – сказала я. – Какое-нибудь недорогое кафе отлично подойдет. Если опасаетесь за свои финансы, могу сразу успокоить: за себя я заплачу сама.

– Да я совсем не из этих соображений! – обиженно засопел в трубку Ильичев. – Просто... – Он понизил голос. – Я же вам говорил, что дело важное и срочное.

– Понятно, вы боитесь, – со вздохом констатировала я. – Тем более если звоните мне в половине восьмого утра. Что, уже есть повод волноваться? Вам угрожали?

– Мне лично – нет. Но предпосылки самые что ни на есть серьезные. Однако по телефону мне бы совсем не хотелось об этом говорить.

Немного подумав, я мысленно махнула рукой.

– Ладно, говорите адрес, – смилостивилась я над струсившим автомагнатом.

– Монастырский проезд, дом восемь, – быстро продиктовал Ильичев, и я даже не стала записывать адрес, настолько легко он запоминался.

Монастырский проезд был частью не слишком удаленно-

го от центра города, но обособленного лесной зоной поселка, где любили селиться богатые и знаменитые люди, не любившие лишнего шума и внимания.

– Так вы подъедете ровно через полтора часа? – уточнил Ильичев.

– Ну да, я же сказала.

– Тогда звоните условным звонком: три длинных, два коротких, – понизив голос до шепота, проинструктировал он меня.

– К чему такая конспирация? – чуть не рассмеялась я. – Вы что, не можете в окно или в глазок посмотреть?

– Я однажды видел фильм, в котором героя убили выстрелом в глаз как раз в тот момент, когда он заглядывал в дверной глазок! – назидательно произнес Владимир Николаевич. – Даже странно, что вы, будучи телохранителем, этого не знаете!

– Зато я знаю многое другое, – усмехнулась я. – Но если вы сомневаетесь в моих способностях, мы можем сразу же разорвать нашу договоренность, тем более что она еще висит в воздухе.

– Нет-нет, я вовсе не это имел в виду, – пошел на попятную Ильичев. – Приезжайте, конечно! Александр Андреевич очень хорошо о вас отзывался.

– И ему не хворать, – вздохнула я и отключила связь.

Честно добежав пятый круг, я вытерла лоб полотенцем и, закинув его через плечо, двинулась со стадиона к своему

«Фольксвагену», припаркованному у входа. Мне еще пришлось заехать домой, чтобы принять душ и переодеться. В принципе даже хорошо, что лето уже подходило к концу и изнуряющей июльской жары уже не предвиделось – тренироваться при плюс двадцати намного легче, чем при тридцати семи.

На соседнем с водительским сиденье лежала приготовленная бутылка с минеральной водой. Открутив крышку, я сделала несколько маленьких глотков и, включив мотор, поехала домой.

В прихожей меня уже встречала моя тетя Мила.

– И что ты, Женя, издеваешься над собой? – качая головой, посетовала она, неодобрительно оглядев мою влажную майку. – Делала бы дома зарядку, и хорошо! Нет, нужно по жаре таскаться куда-то!

– Жары как раз уже нет, – чмокнув тетю в щечку, проговорила я. – И бегать, к примеру, в тридцатиградусный мороз ничуть не лучше.

Тетя Мила только вздохнула, а я направилась в ванную.

– Тебя дожидается завтрак! – крикнула она мне в спину.

Перед уходом, конечно, не мешало бы подкрепиться – ведь неизвестно, когда теперь удастся это сделать. Но после бега набивать желудок тоже не рекомендуется. Оставалось надеяться, что тетя приготовила что-нибудь легкое. Вообще-то она придерживается идеи здорового питания, так что вполне вероятно, мне удастся перекусить без ущерба для фи-

гуры и самочувствия.

С удовольствием намазывая тело освежающим мандариновым гелем, я поглядывала на себя в зеркало на стене и удовлетворенно отмечала, что все эти тренировки, несмотря на их изнурительность, приносят свои результаты – фигура у меня была отличной. И это стоило того, чтобы попотеть по утрам.

Выйдя из ванной и переодевшись, я прошла в кухню, где меня ждала тарелка каши с сухофруктами и стакан домашнего йогурта. Одобрительно кивнув, я принялась за еду, лишь предварительно отложила половину порции каши. После завтрака выпила чашку черного кофе без сахара и взглянула на часы. До назначенной встречи с Ильичевым оставалось сорок минут – времени как раз хватало на то, чтобы переодеться и отправиться в путь.

Поблагодарив тетю, я надела джинсы и белую футболку, не став заморачиваться с макияжем, лишь подкрасила ресницы и мазнула губы малиновым блеском. Тетя Мила уже сидела перед телевизором за просмотром очередного кулинарного шоу, поэтому, услышав, что я ухожу по делам, просто кивнула и довольно равнодушно проводила меня, не задавая вопросов. Я же завела свой автомобиль и направилась к Монастырскому проезду.

Особняк Ильичева найти было совсем несложно: восьмой дом от начала проезда. Все дома здесь располагались по одной стороне улицы и поэтому шли подряд, четные и нечет-

ные. Двухэтажный дом был построен качественно, но с некоторой долей эклектики. С одной стороны, все строго и без затей, с другой – какие-то непонятные округлые башенки на левой части крыши и столь же бесполезные малюсенькие балкончики в резных завитушках, на которых одному-то человеку сложно уместиться.

Металлические ворота, не предполагавшие по своей сути никакого декора, тоже унижены по бокам резными финтифлюшками, ничуть не украшавшими их и только придававшими им нелепый вид. Однако дизайн ильичевского жилища меня сейчас мало волновал. Подойдя к воротам, я увидела крошечную кнопку, на которую нажала так, как просил Ильичев: три длинных звонка, два коротких. И тут же услышала звонок своего сотового.

– Евгения Максимовна, это вы? – Голос Ильичева звучал встревоженно.

– Да я, я, – пришлось его успокоить. – Открывайте уже!

Через некоторое время из приоткрывшейся двери особнячка осторожно высунулась лысоватая голова, а затем показался и сам хозяин дома. Он опасливой походкой прошел по дорожке к воротам и, отперев их, тут же внимательно уставился на меня. Я столь же бесцеремонно разглядывала его. Внешность Ильичева оказалась самой что ни на есть средней. Был он, что называется, не низок – не высок, не узок – не широк, в очках в тонкой оправе. Волосы, которых осталось совсем немного, видимо, изначально были светло-русыми, да и сам

их обладатель казался каким-то белесым. Небольшие серые глаза, совершенно невыразительные, маленький нос, тонкие губы... В целом же черты лица довольно интеллигентные.

– Владимир Николаевич? – спросила я, чтобы прекратить уже это глазение и перейти непосредственно к делу. – Разрешите?

– Да. – Ильичев сразу же суетливо посторонился, пропуская меня, и быстренько запер ворота. – Пойдемте скорее в дом.

Мы прошли по выложенной камнями дорожке и оказались в просторной прихожей, из которой Владимир Николаевич сразу же провел меня наверх. Там мы расположились в комнате, которая, видимо, являлась его рабочим кабинетом. Внутри оказалось темновато: плотные жалюзи опущены и закрыты.

– Я сейчас, как уже говорил, один, – произнес Ильичев, показывая рукой на кожаный диван. – Поэтому ничего из еды предложить не могу, но, может быть, вы желаете какие-нибудь напитки?

– Пожалуй, чашка кофе и бутылка минералки были бы кстати, – кивнула я.

– С минералкой нет проблем, а вот кофе... – Ильичев смущенно затоптался на месте. – Боюсь, его просто некому сварить. Или вас устроит растворимый?

– Ладно, расслабьтесь! – махнула я рукой. – Можно и никакого.

Предлагала же встретиться в кафе, там вообще не пришлось бы напрягаться в хозяйственном смысле. Но Ильичев, похоже, действительно боялся показываться в общественных местах. Кто или что его так напугало, пока было неясно.

Владимир Николаевич тем временем достал из бара бутылку минералки, открыл ее ключом и поставил передо мной на стеклянный столик, присовокупив к этому небольшой хрустальный стаканчик. Минералка оказалась теплой, зато сильно газированной, что компенсировало ее температурный изъян.

– Вы машину у нас покупали? – кивнув в окно на припаркованный «Фольксваген», поинтересовался тем временем Ильичев.

– Нет, – честно ответила я.

Сделав несколько глотков и отставив бокал в сторону, я откинулась на блестящую гладкую спинку дивана и сказала:

– Так я вас слушаю, Владимир Николаевич.

Ильичев не спеша прошелся по кабинету, похоже, выстраивая свой монолог, потом вздохнул и снова с неким пафосом произнес:

– Нас пытаются истребить!

– Кого это вас? – поинтересовалась я. – Дистрибьюторов европейских моделей автомобилей? И что значит – истребить? Вы что, представители Красной книги?

– Нас – это меня и моих компаньонов из «Эвиты». Точнее, совладельцев.

– Давайте поподробнее, – попросила я. – То есть вы владеете каким-то процентом акций концерна, так?

– Совершенно верно, – подтвердил Ильичев. – Нас четверо совладельцев – трое мужчин и женщина, Елена Константиновна. У каждого свой пакет акций. У Елены Константиновны, кстати, наименьший из всех – всего пять процентов.

– А кто непосредственно руководит концерном? – поинтересовалась я. – Тоже кто-то из вас? Или все вместе?

– Нет, руководит всем Геннадий Владиславович Алдонин. Он специалист в этой области, хорошо мне знаком, и я счел его самой подходящей кандидатурой на эту должность.

– Вы лично сочли? – уточнила я. – А остальные?

Ильичев перекатился с пяток на носки и пояснил:

– Когда Алдонин занял этот пост, остальных еще не было. Был только один человек, но потом он умер, и его акции перешли к моим теперешним компаньонам. Это было уже пять лет назад, и с тех пор мы владели концерном сообща и довольно успешно ладили. К тому же нам не так часто приходится пересекаться, у каждого свой бизнес...

– То есть самим концерном вы не занимаетесь? Все делает Алдонин и его заместители, а вы лишь получаете свою прибыль?

Ильичев покраснел.

– У вас это звучит так, словно мы какие-то паразиты, живающиеся на сотрудниках концерна! Не забывайте, что зарплату Алдонин и прочие получают с наших доходов! И

именно мы принимаем глобальные решения и выполняем стратегические задачи! Для этого специально раз в месяц собираемся в офисе.

– У меня и в мыслях не было обвинять вас в паразитизме, – хмыкнула я, удивленная реакцией оскорбленного совладельца «Эвиты». – Мне просто нужно разобраться в вашей иерархии и внутрискруктурных отношениях. Значит, в самой «Эвите» вы появляетесь редко. Теперь давайте перейдем непосредственно к вопросу истребления. Я так понимаю, вам кто-то угрожал? Кто-то конкретно?

Ильичев нахмурился и опустил в кресло.

– Да, – мрачно сказал он. – Конкретнее некуда. Знаете такой концерт – «Атлант»?

– Разумеется, – кивнула я. – Я о нем подумала сразу же, как только вы упомянули «Эвиту». То есть вы намекаете на конкурентов?

Ильичев невесело усмехнулся:

– Я даже не намекаю, а говорю совершенно точно. Потому что они сами требовали отдать им концерт.

– Вот так вот откровенно? – прищурилась я.

– Да уж куда откровеннее! Нет, они, конечно, вели себя вежливо и предложили продать им акции. Ну, а когда мы отказались, прямо сказали, что все равно отдадим. Сами. И начали действовать.

– Вот о действиях и давайте теперь поговорим. Что случилось? – Я серьезно посмотрела на Ильичева, который тя-

жело вздохнул и сказал:

– Началось все с Елены Константиновны. Три дня назад она едва не попала в автомобильную катастрофу.

– Подробности можно? – попросила я.

– Извольте. Она возвращалась вечером домой, свернула на безлюдную улицу, когда прямо навстречу ей словно из-под земли выскочил мотоцикл! Она едва избежала столкновения! Хотела затормозить – не получилось! Кое-как она остановила машину, чуть не врезавшись в заграждение. Мотоциклист сразу же умчался. Позвонила Бабурину, это тоже наш совладелец, он приехал, осмотрел машину и выяснил, что в ней не работают тормоза. Понимаете?

– Понимаю. Штука малоприятная. И вы уверились, что кто-то специально их испортил?

– Это было очевидно!

– А почему вы решили, что это «Атлант»?

– Потому что с утра машина Елены Константиновны была в полном порядке. Весь день она находилась на стоянке, куда, как вы сами понимаете, легко может проникнуть человек из «Атланта» и сделать все, что нужно. Стоит ли объяснять, что они, как люди грамотные в отношении автомобилей, легко устроят подобную поломку!

– Это логично, конечно, – согласилась я. – Но все же не стопроцентное доказательство.

– А мне и не нужны стопроцентные доказательства! – загорячился Ильичев, вскакивая со своего места и приближа-

сь ко мне. – Мне нужна защита! Все! Больше я ничего знать не желаю!

– Защиту я вам обеспечу, – деловито пообещала я. – Но хорошо бы знать врага в лицо и убедить его в бесперспективности его нападков. Врага лучше всего обезвредить. Разве вас привлекает необходимость постоянно находиться под присмотром телохранителя? Причем еще и оплачивать его услуги, – сделала я акцент на важном для меня аспекте вопроса. – Ведь мне придется находиться с вами практически круглосуточно.

– Я понимаю! Более того, именно этого я и хочу! – с готовностью произнес Ильичев. – Понимаете, я не хочу дожидаться, когда все это коснется лично меня – а оно коснется, не сомневайтесь! Раз уж они начали действовать такими методами, ясное дело, что на Елене Константиновне не останутся.

– Кстати, – сказала я. – Если вы упоминали тестя, то у вас соответственно должна быть супруга?

– Конечно. Но я еще вчера отправил их вместе с дочерью в Египет. От греха подальше. Я решил перестраховаться, я вообще люблю заранее принимать меры, поскольку человек осторожный!

На мой взгляд, Ильичев был не просто осторожным, а банально трусливым, но я не стала давать ему подобную характеристику вслух. Впрочем, забота о жене и дочери – это похвально. Даже если она не окажется необходимой.

– А вам не кажется странным, Владимир Николаевич, – задумчиво произнесла я, – что ваши конкуренты начали действовать в первую очередь против Елены Константиновны? Вы же сами обмолвились, что у нее наименьшее количество акций? Логичнее было бы начать с владельца более пухлого пакета, а?

– Как раз не вижу в этом ничего удивительного, – не согласился со мной Ильичев. – Ведь Елена Константиновна женщина, существо слабое и уязвимое по сравнению с мужчинами!

Я невольно усмехнулась, глядя на потенциального клиента, внешний вид и поведение которого никак не характеризовали его как существо сильное и храброе.

– А кто владеет контрольным пакетом акций?

– Я, – спокойно ответил Ильичев.

– То есть вы имеете право единолично принимать принципиальные решения.

– Совершенно верно, – подтвердил Ильичев. – Собственно, во многом именно это обстоятельство заставило меня обратиться к вам. Я боюсь, что Елена Константиновна – это цветочки. Так сказать, предупреждение. А основной удар, конечно же, рассчитан на меня.

– А на других членов вашего концерна случались подобные наезды?

– Слава богу, нет. Но ни от чего нельзя быть застрахованным. К тому же некоторые из них настроены, на мой взгляд,

слишком беспечно.

– Кто же именно? – поинтересовалась я. – Вы говорили, что вас четверо, пока что я знаю только вас, слышала о некоей Елене Константиновне и мельком упомянутом Бабурине.

– У вас хорошая память, – польстил мне Ильичев.

– Отличная, – поправила я его. – Кто четвертый?

– Куропаткин Николай Иванович. Человек самый почтенный по возрасту в нашем концерне.

– И при этом самый беспечный? – заметила я.

– Ну, не во всем, – сказал Ильичев. – Но вот угрозы все-таки не воспринимает.

– Должно быть, смелый человек, – предположила я.

– Возможно, – уклончиво произнес Владимир Николаевич. – Он, конечно, не трус. Но, мне кажется, слишком привык полагаться на собственные силы и переоценивать их. При этом он очень умен.

– Вы объективны, – настала моя очередь для похвалы.

– Стараюсь, – скромно ответил Ильичев и поднял на меня взгляд. – Так что, мы можем подписать договор? Я вам, в сущности, все рассказал. Что касается денег, то аванс я готов заплатить немедленно после заключения договора.

Работа не показалась мне напряжной, и я решила не отказываться от предложения Ильичева. Получив от него первоначальную сумму, сказала:

– Комната для меня, надеюсь, найдется?

– Конечно, об этом не переживайте! – успокоил меня Вла-

димир Николаевич. – И еще... – Он снова смутился. – Вы можете совершенно не переживать за свою... за свое... Одним словом, я совершенно не намерен вас домогаться! – выпалил он.

«Какая жалость! А я-то уж размечталась!» – мысленно повеселилась я, а вслух сказала:

– Да я, собственно, переживаю за другое. Попросту говоря, что мы с вами будем кушать, уважаемый Владимир Николаевич? У вас, я вижу, дома шаром покати, в кулинарии, думается, вы не сильны, а я тоже не намерена заниматься готовкой. Или вы окончили поварские курсы?

Ильичев отличался удивительной способностью моментально краснеть. И вообще, несмотря на довольно высокий социально-экономический статус, он производил впечатление не очень уверенного в себе человека. Именно такое чувство создалось у меня при первом же контакте с ним, когда я еще только говорила с ним по телефону. Теперь же оно только укрепилось. И в душе Ильичев очень боялся, что кто-то догадается об этой его особенности...

– Никаких поварских курсов я не заканчивал, – сухо вато ответил он. – И так получилось, что домработницу я в связи со всей этой историей еще вчера отпустил отдохнуть. Временно! – подчеркнул он. – Но я могу позвонить ей и пригласить прийти. Она придет и все приготовит.

– Отлично! – одобрила я. – Так и сделайте, пожалуйста. Значит, все решили. Вы сегодня собираетесь куда-нибудь?

– К сожалению, мне обязательно нужно встретиться с Куропаткиным, – со вздохом поведал мне Ильичев, и я почувствовала, что он с удовольствием никуда не выходил бы в ближайшие пару месяцев.

– Где запланирована встреча? В офисе?

– Нет, дома у Николая Ивановича. Это на Ягодной Поляне.

Ягодная Поляна, по сути, была таким же спокойным поселком в лесополосе, что и район, в котором проживал Ильичев. Но находилась совершенно на другом конце города, поэтому дорога туда могла занять около часа. Но меня это не очень смущало, гораздо больше волновался сам Ильичев. Мне даже пришлось вмешаться:

– Да успокойтесь вы, в самом деле! С вами еще ничего не случилось, а вы уже трясетесь как заяц!

– Это потому, что я не хочу, чтобы случилось! – парировал он.

– Ну, от вашей тряски тоже толку не будет. Постарайтесь взять себя в руки и предоставьте мне о вас заботиться. Когда встреча?

Ильичев посмотрел на наручные часы.

– В одиннадцать, – сообщил он. – Так что пора бы уже собираться.

– Собирайтесь, – пожала я плечами. – Я-то готова.

– Да я, собственно, тоже, – оглядывая себя, произнес мой клиент.

Он был одет в светло-серый костюм, под которым виднелась полосатая рубашка. Вид Владимира Николаевича вполне соответствовал выходу из дома, так что мы просто направились вниз. Ильичев открыл гараж, в котором я увидела «Тойоту» скромного цвета маренго.

«А сам-то владелец контрольного пакета акций концерна, специализирующегося на западных автомобилях, предпочитает японскую машину», – отметила я про себя этот штрих, который, возможно, не имел никакого значения.

Я думала, Ильичев сам сядет за руль, но он выжидающе смотрел на меня.

– Что, даже за руль сесть не рискнете? – удивилась я.

– Я вообще не вожу машину, – сообщил Ильичев. – У меня зрение минус десять. Поэтому у меня личный водитель.

– И где же он? – спросила я.

– В связи со всей этой историей я решил отказаться от его услуг.

– Временно, – подсказала я.

Ильичев пропустил мою колкость мимо ушей.

– Временно, – согласился он и пояснил: – К тому же раз теперь со мной рядом будете вы, зачем мне еще и шофер? Я знаю, что вы и сами прекрасно водите машину.

– Что ж, – усмехнулась я. – Я не возражаю. Только тогда справедливее было бы доплачивать мне еще и как водителю, а?

Ильичев не нашелся что ответить, покраснел, поправил

очки на переносице и уселся на переднее сиденье. Мне ничего не оставалось, как устроиться за рулем и завести машину. «Тойота» двигалась послушно, мощно и в то же время мягко. Я вообще всегда отмечала повышенный уровень комфорта японских автомобилей. А в немецких мне нравились надежность и долговечность. Потому я и предпочла «Фольксваген».

Середина утра порадовала отсутствием пробок, и до Ягодной Поляны мы доехали практически беспрепятственно, минут за сорок. Остановившись у развилки, я вопросительно посмотрела на Ильичева.

– Езжайте прямо, метров примерно пятьсот, я покажу дом, – направил он меня, и я послушно повела машину вперед.

Особняк Николая Куропаткина, выстроенный из красного кирпича, по размерам был довольно скромным. На первый взгляд он вообще показался мне одноэтажным, однако чуть позже, осмотрев его с другой стороны, я поняла, в чем дело. Второй этаж с торца уходил вниз и являлся чем-то вроде полуподвала. Очевидно, хозяин специально задумал это с какой-то целью.

А вот двор у Николая Ивановича оказался просто огромным. Здесь не росли никакие фруктовые деревья, не было цветов или сада камней – словом, никаких модных украшений и изысков. Вокруг шелковым ковром расстилалась аккуратно подстриженная трава – строго и просто, без затей.

Все это я смогла рассмотреть через ворота, которые оказались открытыми, что меня немало удивило. Однако в следующую минуту я поняла причину такого «легкомысленного» отношения хозяина к засовам: по ровной траве свободно бегали собаки. Кавказские овчарки, красивые, крупные, от светло-бежевых до темно-коричневых. Собак было около пяти-шести. Все с пушистыми гривами, словно в капюшонах, отороченных мехом, с мохнатыми хвостами и удивительно умными глазами.

– Какое чудо! – невольно восхитилась я, оглянувшись на Ильичева.

– Да, – подтвердил Ильичев, переминаясь сзади меня с ноги на ногу и не без опаски поглядывая на кавказцев. – Личная охрана Николая Ивановича, – пошутил он, хотя в шутке его присутствовала немалая доля справедливости: собаки-кавказцы, относящиеся к охранной породе, лучше иного бодигарда могли защитить своего хозяина. Обладая недюжинной силой, они отличались еще и бесконечной преданностью и готовы были решительно броситься в бой, если их владельцу угрожала опасность. – Не бойтесь, они у него вышколенные, – добавил он, хотя я видела, что сам он как раз побаивается добродушных на вид зверей, потому и пропустил меня вперед, а вовсе не из соображений этикета.

Ильичев при этом надавил на кнопку звонка рядом с воротами. Из дверей дома показался хозяин – пожилой уже мужчина, лет шестидесяти, в дорогом костюме и наброшен-

ной поверх замшевой куртке. Он крикнул собакам «лежать, свои», затем обратился к нам:

– Проходите, проходите. Володя, ты же знаешь, они у меня ручные. Мухи не обидают без моего приказания.

– Кто их знает... – неслышно проворчал Ильичев, на всякий случай держась позади меня и слегка отставая.

Я едва поборола желание погладить светло-песочного цвета пса, помахивавшего красивым пышным хвостом у крыльца, – не хотелось, чтобы меня заподозрили в сентиментальности, качестве, не свойственном людям моей профессии и зачастую воспринимаемом как слабость, – и прошла через дверь в прихожую мимо посторонившегося Куропаткина. Сам хозяин окинул меня мимолетным взглядом, без всякого интереса, однако я уловила, что за этот миг он успел прекрасно меня рассмотреть и оценить. Неизвестно, какими стали оценки, но что Куропаткин сделал в отношении меня определенные выводы, сомневаться не приходилось.

Он провел нас на условно второй этаж, являвшийся, по сути, первым. Хорошая, просторная гостиная с круглым столом посередине и камином, перед которым стояло старинное кресло-качалка и лежала медвежья шкура. На стене висело несколько ружей. Причем не сувенирных безделушек, а самых настоящих охотничьих ружей: парочка дробовиков-бокфлинтов, многозарядный карабин и еще одно ружье, название которого я не знала, похожее на самодельное, но

выполненное очень искусно.

– Вы садитесь, я пока чай приготовлю, – сказал Николай Иванович, и мы с Ильичевым заняли мягкие стулья вокруг стола.

– Ваша работа? – спросила я Куропаткина, показав на шкуру.

– Врать не стану, хотя мог бы, – усмехнувшись, сказал он. – Кореша моего работа, Илко.

– Интересное имя, – заметила я.

– Ненец, – коротко пояснил Куропаткин, но добавил: – Он охотник, с детства тайгу знает, как вы местные салоны красоты.

Мне не очень понравилось сравнение Куропаткина с явной подковыркой, но я не стала акцентировать на нем внимания, спросив вместо этого:

– Значит, он на медведей охотится?

Куропаткин, колдуя над приготовлением чая, ответил не сразу. Он доставал из мешочков какие-то травы, коренья, сушеные ягоды, внимательно отмерял, прищурив глаз, а затем ссыпал все это в пузатый чайничек. Я уже даже подумала, что он пропустил мой вопрос мимо ушей, но Николай Иванович сказал:

– Много на кого. А тогда он лесорубом был. Прямо на него медведь-шатун вышел. Разбудил его, видать, кто-то, а это штука опасная. Медведь-шатун – смертник, он обречен. От голода у него брюхо сводит, и он теряет чувство опасно-

сти. Вот и пошел прямо на Илко. Был бы на его месте другой – заломал бы его косолапый. А Илко привычный, с детства с отцом на медведей ходил. Среагировал, топором его зарубил... А шкуру мне отдал на прощание. На удивление хорошая оказалась. Обычно у шатуна от голода она ключьями висит. Видно, недолго шатался...

– Где же вы с ним познакомились? – продолжала удивляться я.

– Под Воркутой, – односложно ответил Николай Иванович и свернул тему, подходя к столу почему-то с двумя чайниками в руках. – Сейчас заварится, и попьем, – сказал он и, покосившись на меня, спросил: – Я закурю, не возражаете?

– Нисколько, – покачала головой я. – С вашего позволения я тоже закурю.

Куропаткин пожал плечами, поднося мне зажигалку. Сам он, к моему удивлению, закурил «Беломор», стряхивая пепел в жестяную пепельницу. Николай Иванович был некрупным, но жилистым мужчиной, с коричневым загаром, словно въевшимся в его лицо. Глаза серо-голубые, умные и цепкие. Начавшие сесть волосы гладко зачесаны назад. Его нельзя было назвать красавцем-мужчиной в привычном смысле этого выражения, однако выглядел он очень импозантно. И костюм с торчавшим из кармана белым уголком платка усиливал это ощущение. При этом в нем сочетались несочетаемые на первый взгляд вещи. Хороший дом – и в нем разнородные предметы. Такие, как, к примеру, дорогой камин и де-

шевая самопальная пепельница, современная техника и антикварное кресло... Травяной чай вместо какого-нибудь из сверкающей коробочки, «Беломор» этот опять же. Да и сам Николай Иванович, несмотря на элегантность внешнего вида, хранил в себе черты лесного жителя или егеря. Несмотря на то что от него исходил запах одеколона, мне чудилось, что от него тянет костром, морозной хвоей, лесными ягодами и жареной дичью.

Куропаткин тем временем потянулся к одному из чайников, приоткрыл его и, вдохнув аромат, остался доволен. Затем открыл второй и принялся разливать нам по чашкам душистый напиток. Себе же Николай Иванович налил из первого.

– А нам не с отравой, часом? – пошутил Ильичев.

– Нет, – усмехнувшись уголком рта, ответил Куропаткин. – Боюсь, что отравой вы сочтете этот, – он указал на свой стакан, чай в котором был практически черным и густым. – Вряд ли вы сможете его оценить. Впрочем, если хотите какие-нибудь фруктовые пакетики, могу предложить – у меня в буфете есть для гостей, – обратился он ко мне.

– Нет, спасибо, я с удовольствием выпью заваренный, – отказалась я.

Чай был, надо признать, крепким. Даже очень крепким – помимо трав, в нем определенно присутствовала привычная нам чайная заварка. Но я не стала морщиться и спокойно отпивала из большой чашки вприкуску с комковым сахаром –

единственным угощением, которое подал нам Николай Иванович. Что касается Ильичева, то едва он сделал глоток, как лицо его скривилось и стало похожим на сдутый резиновый мячик. Куропаткин спокойно хлебал свой деготь, не замечая, как Ильичев ерзает на своем стуле.

– Николай Иванович, вы хотели поговорить насчет... – начал он, но Куропаткин перебил его:

– Не спеши, Вова, – спокойно и неторопливо произнес он. – Куда нам спешить? Поговорить успеем. У меня на сегодня дел больше нет, у тебя тоже. Так что пей спокойно.

Ильичев подавил глубокий вздох и сделал микроскопический глоток травяного чая, затем сразу же бросил в рот комок сахара и принялся с хрустом грызть его. Куропаткин не спеша допил свой напиток, вытер рот полотенцем и, с удовольствием откинувшись в своем кресле-качалке, вновь закурил вонючий «Беломор».

– Советов моих, вижу, ты не послушал, – начал он, выпуская в сторону камина длинную струю дыма.

– Э-э-э-э... Это вы насчет телохранителя? – уточнил Ильичев.

– Именно, – кивнул Куропаткин, мельком скользнув по мне взглядом.

– А вы считаете, что Владимир Николаевич не нуждается в телохранителе в принципе? Или против женщин этой профессии? – полюбопытствовала я.

– И то и другое, – невозмутимо сказал Куропаткин, про-

должая курить.

– Откровенно, – улыбнулась я.

Куропаткин чуть повел бровью.

– Ну, второе ваше убеждение я даже не собираюсь обсуждать и пытаться оспаривать. А вот насчет первого, если не возражаете, давайте поговорим, – сказала я.

Куропаткин пожал плечами, выражая свое согласие.

– Значит, вы считаете, что Владимиру Николаевичу ничего не угрожает? А откуда такая уверенность?

– Елена кипеш поднимает на ровном месте! – махнул рукой Куропаткин. – Она вообще чувствительная мадам. Чуть что – в крик, в слезы, охи-ахи. А потом оказывается, что все это буря в стакане воды.

– Но ее тормозная система была испорчена, – заметила я.

– Это кто сказал? Бабурин? – в свою очередь, уточнил Куропаткин.

– Так мне сообщил Владимир Николаевич, – произнесла я и повернулась к Ильичеву, от которого получила первичную информацию.

– Да, – подтвердил тот. – Так сказал Бабурин.

– Сам он тормозная система, – усмехнулся Куропаткин. – Тоже мне, знаток автомобильной техники! Елена водит плохо, это всем известно. Сколько раз за год у нее права отнимали? Сама жаловалась, что отстегнула ментам столько, что новую тачку могла купить!

Ильичев смущенно отвел глаза, словно это у него посто-

янно отбирали права гаишники за бездарную езду.

– Но я же говорил вам о беседе с «Атлантом»! – напомнил он. – Вас тогда не было в городе, поэтому вы не присутствовали, а нам с Бабуриным они прямо заявили, что концерт будет их, и точка!

– Попробовали бы они мне это сказать! – процедил Куропаткин в сторону, и в глазах его вспыхнул злобный огонек. – Сявки позорные!

Меня покорило его неожиданное высказывание – не потому, что я являюсь утонченной натурой, падающей в обморок от нецензурных слов, коих мне приходится слушать по роду профессии часто и в большом количестве, просто подобная лексика не вязалась с респектабельным обликом Куропаткина. Трусливый интеллигент Ильичев, разговаривавший с Куропаткиным очень почтительно, чуть поморщился и продолжил:

– Но что же делать, Николай Иванович? Мы же именно это хотели обсудить!

– Ничего, – спокойно развел руками Куропаткин, затушив сигарету. – Ты же уже принял меры по собственной безопасности? Ну вот и спи спокойно!

– Но ведь это же не все! – поежился Ильичев. – Я же не могу теперь до конца жизни находиться под присмотром телохранителя! – повторил он мои слова.

– Почему? – весело спросил Николай Иванович. – Телохранитель у тебя, я погляжу, симпатичный. В такой компа-

нии можно и до конца жизни время проводить!

– Боюсь, это не входит в мои планы, – холодно остановила его я.

– И как же вы собираетесь действовать? – с неким любопытством взглянул он на меня.

– Пока что своими обычными методами. Охранять Владимира Николаевича. А дальше – по ситуации. Если выяснится, что Владимиру Николаевичу ничто не угрожает, я с чистой совестью сочту работу законченной. Если же последуют действия, буду их пресекать.

– Интересно посмотреть, как это у вас получится, – в сторону пробормотал Куропаткин, явно не воспринимавший меня всерьез.

– Николай Иванович, я все же думаю, что и вам не мешало принять меры по собственной защите, – в тревогой в голосе произнес Ильичев. – Напрасно вы иронизируете. Не стоит недооценивать противника!

– О чем ты, Вова? – спокойно обратился к нему Куропаткин. – Разумеется, я позабочусь о мерах предосторожности. Ты собачек моих видел? Так вот, они любого телохранителя за пояс заткнут, мне даже из дома выходить не надо.

– В том-то и дело, что это дома! А на улице? – Ильичев по-прежнему пребывал в беспокойстве.

– На улице я как-нибудь сам справлюсь. Если же на концерт наезды пойдут – ребят подключу. Своих, – подчеркнул он. – Слава богу, связи кое-какие имеются, ребяташки под-

соят, если что.

– Ну, смотрите, – со вздохом покачал головой Ильичев. – Не нравится мне все это.

– Ты травки успокоительные попринимай, – посоветовал Куропаткин. – Мне как раз по старой дружбе прислали. Могу поделиться. Свежие, без всякой химии. Из сказочной тайги.

– Спасибо, не стоит, – отказался Ильичев, покосившись на стакан с недопитым чаем, который он так и не смог одолеть. – Я в аптеке куплю.

– Как знаешь, – не стал настаивать Куропаткин.

Я подумала, что беседу нашу можно считать исчерпанной. Куропаткин явно показал свое отношение к происходящему. В серьезность угроз со стороны конкурентов он не верит, себя чувствует вполне защищенным, никаких дополнительных действий применять не собирается, надеясь на свои связи, а меня и вовсе воспринимает как красивую забаву для Ильичева в отсутствие жены. Разубеждать его я посчитала бессмысленным и выразительно посмотрела на Ильичева, собираясь сказать ему, что пора бы и честь знать.

В это время со двора послышался металлический лязг ворот, затем собачий лай, а следом пронзительный, тонкий женский крик:

– Фу, уйди, уйди! Николай Иванович! Да уберите вы своих псов, черт их дери!

Куропаткин поморщился и встал с кресла, подойдя к окну. За воротами виднелась женщина, придерживавшая ру-

кой двери и не решавшаяся пройти во двор. Николай Иванович решительно вышел во двор, отдал собакам команду вести себя спокойно и крикнул:

– Ну заходи, заходи! Что орешь, как потерпевшая? Не тронут они тебя!

– Да, не тронут! – капризно протянула женщина, боком просачиваясь в ворота и торопливо шагая к дверям дома. – Бегают себе, как будто котята какие! А если они за ворота выбегут? И раздерут кого-нибудь? Вас же в тюрьму посадят!

– Мои собаки, Лена, на кого попало не бросаются, – провожая женщину в дом, проговорил Куропаткин, пряча усмешку. – Это чаще людям свойственно, причем не самым умным.

Мне показалось, что в его словах звучал какой-то намек, смысл которого я не могла понять. Спустя несколько секунд Куропаткин вместе с женщиной появились в гостиной. Женщина была высока, немного крупновата, но с хорошо сохранившейся фигурой и моложавым лицом, хотя ей явно было уже под сорок или около того. Крашенные светлые волосы крупными локонами спадали на плечи. На женщине были темные джинсы в обтяжку и белая блузка с глубоким декольте, сильно обнажавшим пышную грудь, высоко приподнятую с помощью тугого бюстгальтера. Она скользнула по нашим с Ильичевым лицам, на секунду задержала взгляд на мне, после чего снова обернулась к Куропаткину.

– Садись, садись, – подталкивая ее к столу, сказал Куро-

паткин. – Ну, с чем пожаловала?

Елена выразительно посмотрела на меня, потом перевела взгляд на Куропаткина.

– Елена Константиновна, разрешите мне представить вам Евгению Максимовну. Отныне она охраняет меня от опасностей! – несколько высокопарно выступил Ильичев.

– Здравсте! – бросила Елена, усаживаясь на свободный стул.

Как я догадалась, это и была та самая Елена Константиновна Темникова, владелица наименьшего количества процентов акций концерна «Эвита».

– Так что стряслось-то? – невозмутимо продолжал Куропаткин, наливая Елене Константиновне чай из чайничка «для гостей».

– Стряслось то, чего я больше всего боялась! – каким-то торжественным тоном произнесла Елена, машинально помещивая в чашке ложечкой, хотя в ней не было сахара. – На мою дочь напали!

– Как? – уронил челюсть Ильичев.

В глазах его застыл ужас.

– Вот так! – автоматом ответила Елена, но, взяв себя в руки, постаралась рассказать более понятно: – Она возвращалась из колледжа, одна – я сегодня не смогла за ней заехать, – и ее начали преследовать люди на мотоциклах!

– На мотоциклах? – невольно подала я голос.

– Да! – оглянувшись на меня, повторила Елена и, видимо,

интуитивно решив, что я, как женщина, должна ее понять лучше, заговорила торопливо и уже обращаясь ко мне: – Их было несколько человек, они постоянно следовали за Кристиной и пытались наехать на нее!

– Наехать в каком смысле? Сбить, что ли? – уточнила я.

– Да, да, да! – со слезами в голосе закричала Темникова. – Пытались переехать колесами!

– И что? – немало удивленная, спросила я. – Им это не удалось?

– Вы еще спрашиваете? Слава богу, нет! – чуть не задохнулась Елена, возмущившись моим вопросом. – Но ведь могли!

– Вот это мне и странно. – Я повернулась к Куропаткину: – Если бы мотоциклисты хотели переехать девчонку, которая была одна, а их несколько, им бы не составило труда осуществить свой замысел.

Куропаткин, нахмурившись, выслушал меня, но ничего не сказал.

– Где это произошло? – снова обратилась я к Темниковой. – В каком месте?

– Не знаю! – отмахнулась она. – Где-то по дороге! Какая разница?

– Там были другие люди, машины? – продолжала я задавать уточняющие вопросы, чтобы получить более-менее ясную картину произошедшего.

– Откуда я знаю? – снова перешла на крик Темникова. –

Меня же там не было!

– Я думала, что вы выяснили это у дочери, – спокойно пояснила я.

– Господи, да разве это меня волновало в тот момент? Меня волновало, все ли с ней в порядке!

– Сколько лет вашей дочери? – спросила я.

– Шестнадцать, – ответила Елена.

– Она знает этих людей?

– Нет, что вы! – Глаза Темниковой округлились. – Откуда она может их знать?

– Где она учится?

– В тридцать девятом лицее, в Мирном переулке. В приличном заведении, одном из лучших в городе! – не без гордости отметила она. – Так что представить, чтобы мальчишки из их лицея могли устроить подобное безобразие, просто невозможно!

Я не стала это комментировать, лишь спросила:

– Значит, это были какие-то подростки?

– Да, Кристина говорит, что они были совсем молодые. Ее ровесники или, может быть, чуть старше.

Темникова говорила нервно, с надрывом, и смотрела на всех присутствующих так, словно они были чем-то виноваты в произошедшей истории и обязаны были немедленно подключиться.

– И она точно никогда раньше не видела их? Может быть, не в школе, а где-то еще? – предположила я.

– Кристина говорит, что нет, не видела.

– Так что они хотели-то? – не выдержал Куропаткин.

– Как что? Напугать, конечно! И покалечить! А может быть, даже убить! – заявила Темникова.

– Хотели бы искалечить – искалечили бы, – спокойно заметил Куропаткин.

– Спасибо, Николай Иванович, умеете вы утешить несчастную мать! – с пафосом приложила руки к груди Темникова и схватила вторую сигарету.

В это время с улицы донесся шум автомобильного двигателя, а следом стало слышно, как возле дома остановилась машина. Все невольно повернули головы. Через окно мне было видно, как из серой «БМВ» выбрался широкий, коренастый мужчина с круглым лицом и вразвалочку направился к воротам. Он распахнул их и молча, без тени страха прошел через двор, не обращая внимания на кавказцев.

– Бабурин пожаловал, – бросил Куропаткин, и Темникова встрепенулась.

– Ну вот, может быть, теперь хоть что-то сдвинется с места, – пробормотала она.

Бабурин грузной походкой прошел в гостиную и молча протянул руку сначала Куропаткину, потом Ильичеву. Меня он смерил мрачноватым взглядом и просто кивнул. Его круглая голова с коротким ежиком темных волос покоилась на квадратной фигуре с практически отсутствующей шеей, и весь Бабурин казался словно сложенным из геометрических

фигур.

– Что случилось-то? – с шумом пододвигая к столу стоявший в углу стул и усаживаясь на него, отчего стул сразу же закрипел под тяжестью его грузного тела, спросил он.

– Алексей! – воскликнула Темникова. – Это просто невозможно! Это переходит все границы! Сегодня напали на Кристину! Она в шоке!

И, выпалив это, Темникова наконец позволила себе разрыдаться. Потом, сквозь слезы, она рассказала Бабурину то, что уже успели узнать мы.

Бабурин так же молча, не выражая эмоций, выслушал, посмотрел на нее, и лишь взгляд его стал еще более мрачным.

– Где она? – спросил он.

– Дома.

– Ты что, одну ее оставила? – спросил тот.

– Ну конечно же, нет! – раздраженно воскликнула Елена Константиновна. – Я вызвала Галину. Это моя подруга, она психолог, – пояснила Темникова остальным.

Бабурин недовольно задумался, Ильичев переводил с одного на другого встревоженный взгляд, Темникова продолжала эмоционально вздыхать и закатывать глаза, и только Куропаткин, не считая меня, хранил абсолютное спокойствие. Казалось, ситуация его даже забавляла.

– Вот что! – решительно заявил наконец Бабурин. – Ты давай езжай домой, успокойся, выпей что-нибудь. Кристину никуда сегодня не пускай. И сама старайся не высовываться.

С остальным мы сами разберемся. Поняла?

Темникова закивала.

– Все, – подвел итог Бабурин. – Езжай.

Елена явно хотела еще что-то сказать, но под тяжелым взглядом своего компаньона поднялась и, тихо попрощавшись со всеми, двинулась в прихожую. Куропаткин вышел проводить ее, мы остались втроем. Бабурин мрачно барабанил короткими, похожими на сардельки пальцами по столу, Ильичев не решался что-нибудь вставить. Я обдумывала ситуацию.

– Значит, так, – выдал свое резюме Бабурин. – Этих козлов надо мочить!

– Кого ты имеешь в виду, позволь узнать? – насмешливо спросил Куропаткин.

– «Атлант», – коротко брякнул Бабурин.

Я увидела, что лоб Ильичева покрылся испариной.

– А почему их? – спокойно уточнил Куропаткин.

– А кого еще? – ощерился Бабурин. – Ясно же, что это они!

– Как раз не ясно, – возразил Николай Иванович.

– А кто тогда, по-вашему? – всем широким корпусом повернулся к нему Бабурин.

– Не знаю, – покачал головой Куропаткин. – Какие-то сопляки, ты же сам слышал. Мало ли сейчас таких дебилов? Гоняли на своих драндулетах, увидели молодую девчонку, вот и решили поиздеваться-попугать. Это ж они друг перед другом рисуются, крутость свою показывают.

– Но почему-то именно перед дочерью Елены, – заметил Бабурин.

– Дочь Елены сама хороша, тебе ли не знать! – пренебрежительно махнул рукой Куропаткин. – Могла и спровоцировать их своим поведением. И вообще, может, сама виновата! Ты же не знаешь, что у них там за дела, у малолеток этих? Это она маме напела, что знать их не знает, а она соврет – глазом не моргнет!

– А автокатастрофа? – подал голос Ильичев.

– Да, – поддержал его Бабурин. – Тоже детские разборки? Ее тоже малолетки подстроили, чтобы пошалить и порисоваться?

– Да с чего вы взяли, что ее подстроили? – усмехнулся Куропаткин. – Я вам уже говорил, что зря вы кипешуете. Конкуренты наехали, на понт взяли – вы сразу и в штаны наложили!

Бабурин сердито засопел.

– Вы как знаете, а я намерен с ними разобраться! – заявил он. – В «Атланте» все гады, я справки наводил... Такие козлы оборзевшие, что их на место сразу надо ставить. Пока совсем не оборзели.

– Ну и разбирайся, – пожал плечами Куропаткин. – Раз тебе делать нечего.

– То есть вы не собираетесь действовать? – налился бордовым соком Бабурин.

– Нет, – твердо ответил Куропаткин. – И тебе не советую.

Дураком себя выставишь, и все.

Ильичев, как мне показалось, вздохнул с облегчением: он тоже явно не горел желанием участвовать в личных разборках с конкурентами. И тут же поймал на себе испытующий взгляд Бабурина, который тяжело вперился в него. Ильичев завозился на стуле и посмотрел на меня.

– Позвольте мне вмешаться, – твердо произнесла я. – Прежде чем ехать разбираться с «Атлантом», я считаю необходимым побеседовать с самой Кристиной. Тогда уже можно будет проанализировать ее показания, понять, говорит она правду или нет, и сделать соответствующие выводы.

Бабурин недоверчиво и не очень дружелюбно смотрел на меня. Я уже хотела было представиться сама, дабы пресечь его скепсис, но тут неожиданно выступил Куропаткин:

– Ты послушай ее, Леша, она дело говорит. Личный телохранитель Вовы, прошу любить и жаловать.

Бабурин как-то неодобрительно посмотрел на Ильичева, потом выдавил из себя:

– Очень приятно.

– Евгения Максимовна, – мило улыбнулась я, глядя на туповатое лицо Бабурина. – Так что, составите мне компанию и проводите домой к Елене Константиновне?

– Я нет, – сразу же ответил Куропаткин. – Думаю, что вы там без меня отлично справитесь, тем более что у меня с этими бабенками всегда беседа не клеилась. – Как я поняла, он имел в виду Елену Темникову и ее дочь.

– Тогда едем! – произнес Бабурин и стал подниматься со стула.

Ильичев, которому разговор с Кристиной казался куда более приятной перспективой, чем разбирательства с конкурентами, последовал его примеру. Мы все трое вышли в прихожую, сопровождаемые хозяином дома. Когда Николай Иванович запирает за нами дверь, рукав его рубашки приподнялся, и я увидела на его загорелом запястье татуировку – выколотые буквы, образующие слово ЗОЛОТО. Значение этой зоновской наколки было мне знакомо – «Запомни, однажды люди оставят тебя одного»...

Глава вторая

Темникова проживала в центре города, в одном из совсем недавно выстроенных домов, и занимала там квартиру из трех просторных комнат. К моему удивлению, Бабурин достал из кармана ключ от домофона и, спокойно открыв дверь, прошествовал в подъезд. Однако, когда мы поднялись на восьмой этаж, он позвонил в квартиру Темниковой. Понимались осторожные шаги, Елена Константиновна долго вглядывалась в глазок, тихо шурша за дверью, пока Бабурин наконец не выдержал и громко не провозгласил:

– Да мы это, мы, не бойсь!

Темникова тут же открыла дверь. Похоже, в компании своих коллег-мужчин она чувствовала себя куда увереннее. Для начала она провела нас в большую квадратную кухню, где мы расселись за столом, а Елена налила воды в кофеварку. Никакой подружки-психолога к нашему приезду уже не наблюдалось.

– Как ваша дочь? – спросила я.

– Спасибо, вроде бы более-менее, – кивнула Елена. – Она сейчас в своей комнате, музыку слушает. Хотя я уговаривала ее поспать, даже дала успокоительное. И сама немного выпила.

От Темниковой исходил слабый запах алкоголя, и я подумала, что она приняла не только успокоительное. Впрочем,

в такой ситуации это было простительно, да к тому же меня не касалось.

– Мы бы хотели с ней побеседовать, – продолжила я.

– Зачем? – тут же насторожилась Темникова, бросая быстрый взгляд на Бабурина, а затем на Ильичева.

– Затем, чтобы разобраться, что произошло, и понять, что делать дальше, – терпеливо пояснила я.

– Но я же вам все рассказала! – вскричала Темникова.

– Но вы же сами признали, что многого не выяснили у дочери, да и вам было не до подробностей, – напомнила я. – И потом, Кристина в любом случае расскажет все точнее.

– Ну, я не знаю... – пробормотала Темникова, растерянно поглядывая на своих компаньонов. – Стоит ли ее беспокоить, она подавлена, расстроена.

– Зови! – только и сказал Бабурин, и Темникова, вздохнув, вышла из кухни.

Вернулась она довольно быстро, а следом за ней с недовольным лицом шла девушка, по виду которой сложно было определить, представительницей какого пола она являлась. У нее были абсолютно прямые жгуче-черные волосы. Косая рваная челка через все лицо, полностью закрывающая левый глаз. Возле носа блестела бусинка пирсинга. Глаза густо обведены черно-розовыми кругами. Одета она была тоже в подобных тонах: черная футболка, черные узкие джинсы с ярко-розовым ремнем из кожзаменителя. На футболке – приколотое розовое сердечко. Фигура ее была худой и несклад-

ной, она еще не перешагнула порог, за которым оставался подросток и появлялась женщина.

«Девочка, видимо, относит себя к представителям субкультуры эмо, – отметила я про себя. – Эмоциональные выбросы, экзальтированность, протест против действительности, одиночество и непонимание, чаще мнимое... Что ж, вполне характерно для ее возраста».

Девчонка окинула всех собравшихся враждебным взглядом, плюхнулась на стул и сразу же потянулась к вазе с фруктами. Достав из нее мандарин, она принялась меланхолично счищать с него кожуру.

– Привет, Кристина, – улыбнулась я ей.

– Здравс-сте, – безразлично процедила девушка.

– Мы приехали, чтобы тебе помочь, – взяла я инициативу в свои руки, поскольку мужчины помалкивали, а мать уже, наверное, переговорила с Кристиной не один раз.

– В чем? – не меняя интонаций и не поднимая головы, спросила Кристина.

– Мама рассказала нам о том, что с тобой случилось утром. Мы хотели бы услышать твой рассказ.

Кристина подняла голову на мать.

– Зачем ты привлекаешь к этому посторонних? – резко спросила она, отодвигая очищенный мандарин.

– Кристина, Евгения Максимовна не посторонняя! Она нанята для охраны нашего концерна и для защиты лично нас! – как можно убедительнее произнесла Темникова.

Это было большим преувеличением, я была нанята лично Ильичевым и лично для его охраны и настояла на разговоре с Кристиной только потому, что все происшествия с компаньонами Владимира Николаевича и их родными могли иметь к нему непосредственное отношение. Но подобная интерпретация сейчас была более значима в глазах Кристины.

– А остальные? – Кристина недвусмысленно кивнула в сторону Ильичева и Бабурина.

– Кристина, ну как ты не понимаешь! – повысила голос мать. – Мы же все связаны одним делом! И если страдает кто-то один, под угрозой находится и другой! Где гарантия, что завтра не пострадает, например, Алексей Федорович?

И она показала на Бабурина.

«Вот было бы здорово!» – явственно прочиталось в глазах Кристины.

«Интересно, она просто так всех терпеть не может, без разбора? Или только знакомых матери мужского пола? Интересно, она воспитывается отцом? Елена замужем? И если да, то родной ли это отец Кристины или отчим? И где в таком случае родной?» – промелькнули у меня в голове сразу несколько мыслей, ответы на которые я решила узнать позже у Ильичева или кого-то еще из хорошо знающих Темникову людей.

– Ты это... – подал голос сам Бабурин. – Не дури, говори давай!

– А вы здесь не командуйте! – с ненавистью в голосе про-
цедила Кристина.

– Кристина, я все-таки прошу тебя вспомнить, что про-
изошло, – снова вступила я.

– Ничего я не хочу вспоминать! – упрямо сказала девчон-
ка. – И вообще... Я устала, я перепугалась, я вся на нервах! –
неожиданно высоким, тонким голосом прокричала она. И
тут же, понизив его до нормальной высоты, спросила, ка-
призно растягивая слова: – Ма-ам, можно я не пойду завтра
в школу?

– Это еще почему? – нахмурилась Елена.

Кристина красноречиво посмотрела на мать, и та, поняв,
вспыхнула, однако не спешила с ответом.

– Ты хочешь повторения, да? – Голос Кристины снова по-
шел по нарастающей. – Тебе на меня совсем наплевать, да?

– Кристина, что ты такое говоришь? – воскликнула мать. –
Хочешь – оставайся дома, я не против! Только уроки учи!

Кристина поморщилась.

– Кстати... – вдруг прищурилась мать. – А почему ты се-
годня так рано возвращалась из школы?

– Почему рано? – не смутилась Кристина. – Нормально!

– Ты позвонила мне в одиннадцать! – стояла на своем
мать. – А вы заканчиваете в два!

– У нас трех уроков не было, нас отпустили, – сказала
Кристина.

– А вчера? – подозрительно скосилась на нее мать. – Вчера

я звонила тебе в час, а ты уже сидела дома!

– Вчера тоже отпустили, – не моргнув глазом, ответила дочь. – Учебный год только начался, еще не всех учителей набрали. Никто не хочет в эту долбаную школу идти за копейки гробиться!

– Я вот в лицей позвоню... – пригрозила Елена Константиновна, но как-то не очень уверенно.

– Звони, – равнодушно пожала плечами Кристина, по одной отправляя в рот мандариновые дольки.

– По-моему, мы теряем время, – не выдержал наконец Ильичев, посмотрев на часы.

– Кристина! – уже резче сказала Темникова.

– Ничего я при них говорить не буду! – заартачилась девчонка, надув губы.

– Кристина, если хочешь, пойдем с тобой в комнату, и ты все расскажешь мне одной, – предложила я.

Кристина посмотрела на меня и неожиданно легко согласилась:

– Ладно, пойдемте!

Я сделала успокаивающий жест в сторону Елены Константиновны и проследовала за девчонкой в ее комнату. Типичная нора типичного современного подростка. Легкий бардак, на стенах плакаты, изображающие бесполох музыкантов с выражением лица либо глубоко несчастным, либо восторженно-идиотским. Кроме того, несколько фотографий полуобнаженных обнимающихся и целующихся отнюдь не

по-детски девушек. Кристины, правда, среди них не было. Компьютер, музыкальный центр. Незаправленная постель, на которой свалены в кучу несколько черно-розовых предметов гардероба – Кристина хранила верность одной цветовой гамме.

Она сгрэбла свое барахло в сторону и с ногами забралась на кровать, предложив мне устроиться на стуле у компьютерного стола. Сама же нажала кнопку на музыкальном центре, и из колонок полилась какая-то слезливая песенка, исполняемая жиденьким тенорком гомосексуального тембра. Я не стала просить выключить музыку, дабы не обострять ситуацию, и сказала:

– Давай сразу к делу – так мы быстрее закончим. В общих чертах я ситуацию знаю, поэтому давай подробности. Сколько было парней?

– Четверо, – чуть подумав, ответила Кристина.

– И ты никого из них не знаешь?

– Нет. Хотя они и были в шлемах, но я уверена, что раньше их не видела.

– А что за мотоциклы? Описать сможешь?

– Ой, нет, я совсем в этом не разбираюсь! – расширила глаза Кристина. – Красные и синие – это все, что могу сказать.

– Где они на тебя напали?

– На подходе к детскому парку.

– Стоп, а почему там? – удивилась я. – Твой дом в другой

стороне.

– Ну потому что мы там стрелку забили с друзьями, – снова капризным голосом пояснила Кристина. – Я не собиралась пока идти домой!

– Ладно, хорошо, что дальше? Они подъехали неожиданно? Или следили от самого лица?

– Не знаю, я этого не заметила, – призналась Кристина. – Я в наушниках была, по сторонам не смотрела. Я же не знала, что они на меня наедут!

– Они что-то говорили тебе?

– Да! Только не сразу. Сперва они ездили вокруг меня, делая вид, что сейчас наедут мне на ноги! И при этом мерзко гоготали!

– А ты что?

– Я им сказала – вы что делаете, дебилы? Но их это не остановило, наоборот, они еще больше раззадорились. Подъезжали совсем близко, теснили к бордюру. А дальше – забор. Я к нему уже почти приклеилась. И, как назло, вокруг никого не оказалось! Машины, правда, были, но они все мимо проезжали.

– Ты не пыталась кричать? – спросила я.

– Что кричать? «Помогите»? – Она скептически посмотрела на меня.

– Ну хотя бы что-нибудь.

– Я просто громко говорила, чтобы они отстали!

– Но на них же это не действовало! Нужно было кричать

громче, бежать, звать на помощь! В парке всегда есть люди, да и вокруг большие жилые дома, остановка рядом! К тому же все это происходило среди бела дня! И нечего стесняться просить о помощи, ничего постыдного в этом нет – ты же понимаешь, что одной тебе с ними не справиться.

– Не знаю... Я на самом деле очень испугалась... – жалобно призналась Кристина.

– И чем же все закончилось?

– Один из них подъехал совсем близко, протянул руку к моему лицу и сжал его. Потом усмехнулся так мерзко и говорит: «Хорошенькая у тебя попка! Ты маме передай, чтобы лучше тебя берегла!» После этого они все заржали и уехали очень быстро.

– Кристина, он точно так сказал? Насчет мамы? – быстро уточнила я.

– Конечно, точно! Вы что думаете, я вру? – обиделась Кристина.

– А что, это невозможно? – иронично спросила я. – Насчет школы-то ты же соврала.

Я пристально посмотрела ей в лицо, с улыбкой на дне глаз. Однако Кристина уловила ее и тоже улыбнулась.

– Подумаешь! – проворчала она. – Пару уроков прогуляла, ничего страшного! Да в этом лице вообще учиться невозможно, одна муштра! По десять задач задают каждый день по одной только физике! Это мамаша меня туда сунула, моего согласия даже не спросила! Ей главное – престиж! А на

меня наплевать! Я же ей говорила, что не хочу там учиться! А она мне – зато в экономический гарантированно попадешь! А я не хочу в ее вонючий экономический!

– А куда ты хочешь? – спросила я.

– Я хочу быть певицей, – заявила Кристина.

Теперь я тщательно подавила улыбку.

– Ну, для этого, наверное, нужно заниматься?

– Так я и занимаюсь! У нас есть своя группа! Только машина не разрешает у нас дома играть, а студии у нас нет. И денег не дает.

– А ты уроки поменьше прогуливай, она, глядишь, и отнесется посерьезнее к твоему увлечению, – посоветовала я. – И деньги на студию выделит, и на экономическом не будет настаивать.

Кристина скептически покривила губами, словно хотела сказать: «Очень я в этом сомневаюсь!»

– Слушай, Кристина, – попросила я. – Ты не принесешь мне чего-нибудь попить, а? Селедки с утра наелась – во рту все пересохло. И я уже скоро перестану тебя мучить.

Кристина пожала плечами и вышла из комнаты. Я быстро прошлась по карманам брошенных ею на кровати вещей, но ничего, кроме денежной мелочи, жвачки и оберток от конфет, не обнаружила. Тогда я один за другим выдвинула ящики компьютерного стола и в нижнем из них обнаружила кое-что интересное...

Небольшой пузырек с круглыми беловатыми таблетка-

ми я быстро сунула в карман, собираясь потом определить его содержимое. Больше я никуда заглядывать не стала – времени было в обрез. Кристина вскоре появилась на пороге комнаты с большим стаканом сока в руках. Поблагодарив ее, я выпила весь стакан, хотя никакой селедки с утра не ела и вообще не имела такой привычки.

– Спасибо, Кристина. У меня к тебе, собственно, остался только один вопрос: у тебя есть какие-нибудь проблемы?

– В смысле? – воззрилась на меня девчонка.

– В смысле, не может вся эта заваруха с мотоциклистами быть направлена на тебя лично? А не на твою маму и не на концерн «Эвита»? Может быть, есть какие-то недоброжелатели лично у тебя?

Кристина задумалась, и лицо ее постепенно принимало мрачное выражение. Я не торопила ее, давая возможность хорошенько все взвесить.

– Нет, – все-таки ответила она. – Никаких недоброжелателей у меня нет!

– И никто больше в последнее время ничего от тебя не требовал?

– Нет, – резко ответила Кристина. – Только мамаша! Которая требует, чтобы я училась и подчинялась ее дурацким правилам!

Я не стала комментировать это заявление, еще раз поблагодарила девчонку и вернулась в кухню.

– Ну? – сразу же вскочила с места Темникова, а мужчины

перевели на меня вопросительные взгляды.

– Да, в сущности, ничего нового, – усаживаясь на стул, поведала я. – За исключением одной детали: эти малолетние болваны просили Кристину передать маме, чтобы лучше ее берегла. Вам она говорила об этом?

– Не-ет, – потрясенно протянула Темникова. – Но что... Что это значит? Они пытались сказать мне, что в следующий раз что-нибудь сделают с Кристиной?

– Возможно, они сказали это просто так, к слову. И совсем не имеют в виду конкретно вас, – сказала я.

– Да «Атлант» это! – с железобетонной уверенностью повторил свою версию Бабурин. – Ясное дело! И на Елену мотоциклист пытался наехать, помните?

Он обвел всех присутствующих взглядом и продолжил:

– И зря Куропаткин не хочет с ним разобраться! Они же щенки трусливые – с бабой да девчонкой связались!

– Возможно, вы и правы, – задумчиво сказала я. – Если только она вообще говорит правду.

– Что вы имеете в виду? – насторожилась Темникова.

– Ну, она же явно соврала насчет школы, – заметила я. – А уж то, что в одном из лучших лицеев не укомплектован штат учителей – вообще бред. Где гарантия, что в своих «показаниях» она честна? Ваша дочь вообще часто вам врет?

– Нет, но... – Темникова была в замешательстве. – Она, конечно, не примерная ученица и может иногда прогулять школу, но ведь это же совсем другое!

И посмотрела на Ильичева с Бабуриным, словно ища у них поддержки. Те сидели с мрачным видом молча, не решаясь что-либо комментировать. Я же постоянно помнила про флакончик с белыми таблетками, лежавший у меня в кармане джинсов. В том, что эти пилюльки не от головной боли, у меня практически не было сомнений. А люди, принимающие наркотики, как известно, могут сочинить что угодно. В том, что Кристина – девчонка взбалмошная и с неуравновешенной психикой, мне и так было ясно из общения с ней. Но что стоит за ее ложью, если допустить, что она все выдумала?

– Елена Константиновна, у меня сложилось впечатление, что ваша дочь испытывает к вам... как бы это выразиться... не совсем теплые чувства, – все-таки заставила я себя сказать правду. – Я не знаю причин этого, но советовала бы вам хорошенько задуматься на эту тему.

Темникова совсем растерялась, но постаралась взять себя в руки.

– С чего вы это взяли? – с вызовом спросила она.

– Из разговора с ней. У нее какие-то обиды на вас, и, мне кажется, она может сознательно делать то, что причинит вам боль.

Темникова отвела глаза. В них блеснули слезы.

– Вы знаете друзей вашей дочери? С кем она общается? Как проводит свободное время? – забросала я ее вопросами.

– Конечно, я знаю, у нее есть подруга Наташа, еще Жанна... Они вместе играют в какой-то группе, кажется.

– А вы часто видите ее друзей? Знаете, чем они занимаются, пока вас нет?

– Я работаю! – произнесла Темникова, защищаясь. – С утра до ночи! Чтобы ее же обеспечивать всем необходимым! Знаете, какие запросы у нынешней молодежи? А помогать мне некому – я вдова!

Бабурин медленно поднял взгляд и уперся им в Темникову.

– В молодежной полубогемной среде распространены всякие пороки, которые девочкам ее возраста могут казаться жутко модными и крутыми, – продолжала я. – Бисексуальность, например, наркотики...

– Да что вы! – всплеснула руками Елена Константиновна. – Какая бисексуальность, она же еще совсем ребенок! Вы, наверное, насмотрелись этих фотографий в ее комнате, вот вам и взбрело в голову! Уверяю вас, это все просто игра! Кристина абсолютно нормальная девочка, просто у нее переходный возраст, вот она и пытается выделиться! А про наркотики я даже говорить не хочу! Я специально отдала ее в этот лицей, потому что там наркоты нет по определению! Требования жесткие – отчисляют мгновенно!

Я подавила вздох. Мне не хотелось сейчас публично показывать найденный в столе у Кристины пузыречек.

– К тому же она представительница эмо, – продолжала убеждать, кажется, саму себя Елена Константиновна. – А для них свойственно вести здоровый образ жизни. То есть ника-

кого алкоголя и сигарет, не говоря уже о наркотиках! Я сама читала статью в Интернете, мне же небезразлично, чем живет моя дочь!

И снова я подавила вздох, поражаясь материнской наивности. Зато свое мнение счел нужным высказать Бабурин,

– Ты ее совсем разбаловала! – жестко произнес он. – Разбаловала и забросила одновременно! Откупаешься дорогими игрушками, шмотками, уроки разрешаешь прогуливать! А что она в это время делает – ты ни сном ни духом!

– Алексей, ты забываешься! – повысила голос Елена. – Я вообще-то выполняю свои материнские обязанности.

Бабурин замолчал на некоторое время, потом произнес:

– Значит, так! С «Атлантом» я сам разберусь. Сейчас поеду кое-куда, пробью тему. А ты ее никуда не пускай. И в лицей этот гребаный тоже.

– Но как же, ты же сам говоришь, что... – начала было Темникова испуганно, но Бабурин жестом остановил ее:

– Пусть на домашнее обучение переходит! Спокойнее будет всем! И не кричи, что денег нет, – на это найдутся! Сегодня пусть дома сидит, и завтра тоже. Будет кобениться – позвонишь мне, я сам с ней поговорю. Все. Мне пора.

И он поднялся из-за стола.

– Думаю, Владимир Николаевич, нам тоже пора, – обратилась я к Ильичеву. – Я уже выяснила все, что хотела.

– Да, – Ильичев с готовностью отодвинул свой стул. – Поехали.

Темникова стояла в прихожей подавленная. Она вяло поблагодарила нас и попрощалась. На улице мы расселись по своим машинам и разъехались в разные стороны. Ильичев сидел задумчивый и не очень веселый.

– Что голову повесили? – спросила я.

– Вообще-то я согласен с Алексеем, – разжал губы Ильичев. – И с вами.

– В чем? – поинтересовалась я.

– Дело в том, что Кристина, как вы правильно заметили, девочка сложная. Мне всегда было тяжело с ней общаться, хотя это случалось нечасто. Она совершенно не похожа на мою собственную дочь. Хотя они почти ровесницы, и у нее тоже этот пресловутый переходный возраст, но все не столь критично. С Аней вполне можно договориться, и она никогда не врет так беспардонно и не хамит взрослым людям.

– Елена Константиновна тоже идеализирует собственную дочь, – с иронией заметила я.

– Я понимаю, что вы думаете обо мне, – согласно кивнул Ильичев. – Но моя жена много занималась Аней и продолжает это делать. Я даже настоял, чтобы она не работала, поскольку считаю, что роль матери – главная для женщины.

– Это похвально, что вы берете обеспечение семьи на свои плечи, – сказала я. – Но у Елены Константиновны, как я понимаю, такой каменной стены нет. Она же вдова.

Ильичев как-то неопределенно поиграл бровями, отвернулся к окну и пробормотал:

– Ну, процентов прибыли от концерна ей бы вполне хватило. Не на роскошную жизнь, может быть, но на вполне личную.

– Кстати, вы позвонили домработнице? – спросила я, желая свернуть тему отцов и детей.

– Нет, – растерянно ответил Ильичев. – Мне, собственно, было некогда. Но я могу это сделать прямо сейчас.

– Вот сделайте, пожалуйста, – ворчливо попросила я. – А то, знаете, уже пообедать не мешало бы. Я, кстати, намереваюсь это сделать прямо сейчас, благо кафе в этом месте на каждом шагу. Предлагаю присоединиться.

– С удовольствием, – обрадованно согласился Ильичев, который, как я поняла, тоже уже был не прочь утолить голод.

Мы остановились возле кафе «Ананас», неизвестно по какой причине носившего такое название, и прошли внутрь. Однако не успели мы сделать заказ, как у Ильичева запищал сотовый телефон. Достав его, он произнес:

– Да, Николай Иванович. Мы уже переговорили!

Я поняла, что звонит Куропаткин. По мере продолжения разговора я наблюдала, как выражение лица Ильичева сменяется на удивленное, а затем тревожное. Собственно, говорил один Куропаткин, а Ильичев лишь слушал. Только под конец он произнес одно слово: «Хорошо», после чего убрал сотовый в карман.

– Это Куропаткин, – пояснил он мне. – Просит срочно приехать. У него что-то случилось.

– Что именно, он не сказал? – поинтересовалась я.

– Нет. Но по его тону я понял, что он сильно расстроен.

Придется ехать.

– Хорошо, – вздохнула я, хотя ничего приятного в подобной перспективе не видела. – Он дома?

– Да, дома, – подтвердил Ильичев, с сожалением откладывая меня в сторону – видимо, он уже тоже размышлял о вкусном и сытном обеде, который теперь откладывался на неопределенное время.

Мы молча покинули кафе, сели в «Тойоту» и отправились в Ягодную Поляну. Уже останавливаясь возле ворот, я почувствовала неладное. Что-то изменилось с момента моего первого визита сюда, случившегося всего несколько часов назад, и изменилось кардинально, к тому же непоправимо.

Ситуация стала понятна в следующий момент, когда я безбоязненно открыла ворота и прошла во двор. Внутри была тишина. Именно это меня и насторожило. И тишина была мертвой. В полном смысле этого слова. Хвостатая охрана Куропаткина больше не бегала по двору, и от увиденной картины мне стало не по себе...

Все шестеро красавцев-кавказцев, еще утром бодро бегавшие по зеленой траве двора и казавшиеся воплощением здоровья, сейчас безжизненно лежали на земле... Шесть собачьих трупов, в нескольких метрах друг от друга. Сам хозяин сидел на крыльце и тянул «беломорину». Судя по окуркам под ногами, это была папироса где-то второго десятка. Услы-

шав наши шаги, Николай Иванович поднял глаза. Взгляд его был пронизан такой тоской, которую я не могла в нем заподозрить. Он молча смотрел на нас, словно приглашая разделить личную драму. Ничего еще не понимающий Ильичев топтался позади меня, удивленно озираясь по сторонам.

– Сядь, Вова, – хрипловато произнес Куропаткин.

Ильичев послушно присел рядом с ним на крыльцо. Куропаткин молча достал из-за спины стоявшую на крыльце бутылку и разлил ее содержимое по пластиковым стаканам, протянув один из них Ильичеву. Он молча поднял свой и залпом опрокинул, приглашая Ильичева сделать то же самое. Владимир Николаевич осторожно поднес стакан к губам, запах спирта резанул ему ноздри, он невольно сморщился. Потом, пересилив себя, все-таки влил в себя водку, и Куропаткин так же молча поднес ему миску с солеными огурцами.

– Как это случилось? – тихо спросила я.

Признаться, мне и самой было отчаянно жалко отличных собак чуть ли не до слез.

Куропаткин ничего не ответил, только налил себе в стакан еще водки и вопросительно посмотрел на Ильичева. Тот тут же замотал головой, и Николай Иванович вылил себе все остатки и так же молча выпил следующую порцию.

– Николай Иванович, – все-таки настойчиво сказала я. – Поверьте, я разделяю ваши чувства и сама расстроена. Но как бы ни было печально случившееся событие, мы должны выяснить его причины. Что случилось? От чего умерли со-

баки?

– Отравление, – хрипло проговорил Куропаткин, не глядя на меня.

– Чем они могли отравиться? Что ели сегодня? – продолжала допытываться я.

Куропаткин повернулся ко мне. Взгляд его был жестким и суровым.

– Вы что, всерьез думаете, что они могли отравиться своей пищей? Что это случайность?

– А вы уверены, что нет? Тогда объясните, – попросила я.

Куропаткин вздохнул и произнес короткими фразами:

– Псы умнейшие. Обученные. Специальный тренер есть, свой человек. Из чужих рук есть не станут. Только из моих и из его.

– А где он сейчас, этот тренер?

– Только после обеда должен был приехать, – ответил Куропаткин.

– Значит, собак сегодня кормили вы?

Николай Иванович лишь кивнул.

– А где хранится корм?

– В сарае, – он кивнул в сторону кирпичного строения, добротного и аккуратного, которое язык не поворачивался назвать незатейливым и простоватым словом «сарай».

– Значит, возможны только два варианта, – задумчиво проговорила я. – Первый: кто-то проник к вам на территорию двора и отравил корм. Второй – его отравил сам тренер.

Куропаткин нахмурился.

– Исключено, – наконец произнес он. – Насчет тренера.

– Уверены? – сощурилась я.

– Абсолютно. Они для него как дети.

Я не стала разубеждать Николая Ивановича, хотя знала, что хруст купюр порой заставляет людей предавать даже собственных детей. Не говоря уже о собаках.

– Вы сами-то что об этом думаете? – поинтересовалась я у удрученного хозяина дома.

Куропаткин снова немного помолчал, потом заговорил:

– Возможно, я их недооценил. А они, гады, и впрямь все-речь нацелились. Я все думал: я один, у меня никого нет – ни детей, ни жены, ни родственников. А уж за себя-то я постоять сумею. Так что мне они ничего существенного сделать не могут. А они нашли, суки, по чему ударить, нашли-и-и!

Николай Иванович сплюнул и длинно выругался со злобой и тоской в голосе. Я видела, что теперь, после того как трагедия произошла с ним лично, Куропаткин призадумался уже серьезнее. Он уже не отмахивался от версий о жестких намерениях конкурентов завладеть концерном.

– Что вы предлагаете делать дальше? – прокашлявшись, произнес Ильичев не совсем твердым голосом: видимо, он совершенно не был привычен к алкоголю, тем более к порциям размером в стакан.

– Перечеркивать бы надо, – сказал Куропаткин. – Всем вместе. Давайте-ка соберемся и обсудим все.

– Сегодня? – спросил Ильичев.

– Нет, Вова. Сегодня нет. Завтра давай. Позвони этому...

Забей стрелку.

По слову «этому», произнесенному с неким презрением, я поняла, что Куропаткин имеет в виду Алексея Бабурина.

– А Елене Константиновне? – уточнил Ильичев.

– Да на кой хрен она... – начал Куропаткин с досадой, но не договорил и махнул рукой: – Ладно, хочет – пусть подьезжает. Хотя толку-то от нее...

– Хорошо, я позвоню им обоим, – заверил его Владимир Николаевич.

Я еще при первой встрече с Куропаткиным подметила одну особенность: Ильичев, владелец контрольного пакета акций концерна «Эвита», то есть, по сути, его хозяин, разговаривал с Николаем Ивановичем так, словно тот был старше по положению. Что это – уважение к его жизненному опыту? Или зависимость? Но в чем Ильичев от него зависим? А может быть, это просто банальный страх перед бывшим зэком? Скорее последнее, и природная боязливость Ильичева тут как раз оправданна.

Однако я не стала расспрашивать своего клиента на эту тему. Видя, что Куропаткин поделился своим горем и планами на ближайшее будущее и теперь явно хочет остаться один, я попрощалась с ним и вместе с Владимиром Николаевичем пошла к его машине. Ехали мы молча, удрученные увиденным у Куропаткина зрелищем. К тому же моего кли-

ента явно подташнивало и укачивало – сказывался хлопнутый на голодный желудок стакан водки. И когда я хотела затормозить возле одного из кафе, он протестующе замахал руками. Скрепя зубы, я направила «Тойоту» к Монастырскому проезду...

Дома Ильичев, лицо которого под конец поездки приобрело зеленоватый цвет, моментально скрылся в туалете, совмещенном с ванной, куда стремительно пронесся прямо в ботинках. Некоторое время оттуда доносились характерные звуки, которые не мог скрыть даже шум льющейся воды.

Я тактично воткнула в уши наушники от mp3-плеера и уселась в кресло. Ильичев появился минут через двадцать, уже приняв душ и благоухая каким-то одеколоном. Лицо его еще было бледноватым, но в целом выглядел он гораздо лучше. Смущенно улыбнувшись, он развел руками и произнес:

– Пить надо меньше, надо меньше пить...

– Сочувствую вам, – произнесла я. – Пообедать не хотите?

Ильичев передернулся, словно я предложила ему поучаствовать в каком-нибудь непотребстве.

– Ясно, – вздохнула я. – А что вообще намерены делать?

– Я бы с вашего позволения прилег ненадолго, – виновато проговорил мой клиент. – Думаю, после этого я буду как огурчик.

– Что ж, а я тогда, пожалуй, сховаюсь в магазин, – сказала я. – А домработнице вы в состоянии позвонить? Мне не хотелось бы терпеть вынужденную голодовку.

– Позвоню, – мотнул головой Ильичев.

Видимо, это движение сыграло негативную роль, поскольку он тут же обхватил руками голову и, устремляясь в сторону спальни, проговорил на ходу слабым голосом:

– Позвоню сразу, как только приду в себя.

Заперев двери, я вышла за ворота на улицу и решила пройтись пешком в поисках ближайшего магазина. Идти пришлось недолго: уже метров через двести я увидела двери супермаркета. Не став заморачиваться, купила курицу-гриль, лаваш, салат из корейской моркови в пластиковом контейнере и сразу же поспешила обратно. Дома у Ильичева все было спокойно: ворота заперты, а сам хозяин благополучно почивал в своей комнате, о чем свидетельствовал доносившийся из нее храп.

«Если он и в трезвом виде отличается подобной манерой сна, мне лучше перебраться куда-нибудь подальше от его комнаты», – подумала я, проходя в кухню и разворачивая пакет с промасленной бумагой.

С аппетитом поглощая курицу, я задумалась над создавшейся ситуацией. У меня не было сомнений в том, что между произошедшими в недавнем прошлом событиями есть связь. Наверняка все это направлено против концерна «Эвита» – Ильичев же говорил, что конкуренты выражались более чем конкретно. Но вот почему не трогают его самого как владельца контрольного пакета акций? Если действуют методами устрашения, то Ильичев для них – самая подходящая

кандидатура. Не хуже Темниковой. Не в пример Куропаткину, которого не запугаешь наездами мотоциклистов.

Оставили на сладкое? Или им нужен как раз его пакет, и они такими действиями предупреждают – отдай по-хорошему, не то тебя ждет кое-что похуже?

Но предпринимать какие-либо действия по выяснению отношений с представителями концерна «Атлант» для себя лично я считала излишним. В конце концов, я выполняю свою миссию – охраняю Ильичева. А в «Эвите» достаточно мужчин, и завтра они намерены обсудить дальнейшие планы. То есть пока держат ситуацию в своих руках, так что мне нет резона высываться. А вот если выбранные ими способы не сработают, и моему клиенту станет угрожать реальная опасность, тогда, пожалуй, придется вмешаться. Словом, поживем – увидим.

Ильичев спал до позднего вечера. Он выполз из своей комнаты к половине восьмого, когда я, сидя в гостиной, смотрела второй фильм на DVD – почему-то в комнате, отведенной для меня, не оказалось ни телевизора, ни компьютера. За это время я успела обследовать дом, комната за комнатой. Но ничего угрожающего жизни и здоровью не обнаружила. Ни взрывных устройств, ни даже прослушек не наблюдалось, что, признаюсь, меня порадовало.

Ильичев подавил зеvоту и пробормотал:

– Вот это я дал! Теперь ночью не засну...

– Примите снотворное, – посоветовала я.

– Я стараюсь не употреблять никакой химии, – ответил Владимир Николаевич, усаживаясь в соседнее с моим кресло. – Скажите, а... Поесть ничего нет?

– В кухне половинка курицы. Но ее я собиралась оставить себе на ужин, – категорично заметила я. – Вы же так и не удосужились позаботиться о собственной трапезе, как я понимаю!

Ильичев сглотнул слюну.

– Ну, может быть, вы поделитесь со мной? – просительно сказал он. – Я оплачу ваши расходы.

– А я что есть буду? – воспротивилась я. – Ваши банкноты?

– Ну... Вы могли бы еще раз сходить в магазин, – миролюбиво предложил Ильичев. – А я сейчас же позвоню домработнице, она завтра с утра придет и все приготовит! Обещаю! Просто сейчас уже поздно ее беспокоить.

– Ладно, – ворчливо согласилась я, поднимаясь с кресла – фильм оказался откровенным дерьмом, и досматривать его у меня не было никакого желания. А раз уж я пропустила и секцию карате, и бассейн, то можно хотя бы вечерней прогулкой восполнить пробел в физподготовке. Конечно, замена совсем не равноценная, но что поделаешь... Придется завтра утром встать пораньше и сделать несколько кругов вокруг поселковых коттеджей.

К моему возвращению Ильичев уже уплел курицу и остатки лаваша. На сей раз я приобрела сыр, колбасу, хлеб и кое-

какие овощи и фрукты у бабушек, торгующих на маленьком самодельном базарчике. Видимо, это был урожай с местных грядок. И хотя их продукты не были сертифицированы, выглядели они куда более натуральными, чем глянцевого помидоры и яблоки на полках супермаркета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.